

ИЗЫТОЧНОСТЬ ЯЗЫКА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБЩЕНИЯ КАК ОСНОВА ГИПОТЕЗЫ ГЛОТТОГЕНЕЗА

В.В. Костецкий*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств»,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kostavictor@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется причина, по которой в философии происходит замена понимания трансцендентального субъекта через язык на понимание языка через трансцендентального субъекта. Как следствие, язык выводится за пределы сигнальных форм общения и трактуется не как сигнал, а как предписание, то есть закон и письмо. Соответственно, язык сближается не с речью и поэзией, а с юриспруденцией. Время появления языка приходится на жреческую культуру эпохи первых цивилизаций. Избыточность языка для форм живого общения сравнивается с избыточностью человеческой сексуальности для биологического продолжения рода. Привлекаемые материалы первобытной культуры, в частности шаманизма, позволяют поставить вопрос о роли трансовых ритуалов в происхождении языка. Соответственно, теории происхождения языка посредством эволюции сигнальных форм общения, совершенствования труда, развития межчеловеческих отношений следует признать не имеющими оснований в истории культуры.

Ключевые слова: язык, глоттогенез, видение, транс, измененные состояния сознания, трансцендентальный субъект, культурный герой, рецептурное знание, философия языка.

Если бы философия могла не заниматься языком, так и следовало бы им не заниматься, не входить в профессиональную сферу знаний лингвистов. Однако как только возникло понимание того, что сознание определяется трансцендентальным субъектом, философия уже не могла не заниматься языком. Другое дело, когда в эпоху Просвещения не было такого понятия, и сознание связывали с мозгом – вполне в медицинском смысле, а также связывали с общением людей между собой – при развитом мозге. Понятие о трансцендентальном субъекте отодвинуло «мозговую проблематику» в сторону, и тогда «категории», «априорные формы сознания» плотно пересеклись со способностью языка представлять мир посредством номинации: в разрезе словаря, семантики, синтаксиса. Чем более в философии всматривались в язык, тем большее значение он приобретал в плане формирования трансцендентального

* КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств».

субъекта: это и логика, и мифология, и символизм, и формы чувственности от восприятия цвета и музыкального слуха до оттенков эмоций. Загадочность трансцендентального субъекта постепенно вытеснялась значимостью языка, который воспринимался долгое время как данность, нечто понятное и известное. Но рано или поздно пересечение трансцендентального субъекта и языка должно было изменить само понимание языка в плане уже его, языка, трансцендентальности. Пожалуй, наиболее ярко эту мысль выразил М. Хайдеггер: «...путь к языку как языку – длиннейший из всех, какие можно помыслить» [10, с. 259]. После Хайдеггера в философии зреет мысль, что уже не трансцендентального субъекта надо понимать через язык, а язык надо понимать через трансцендентального субъекта. Это означает, что привычные навыки восприятия языка через знаки, сигналы, социальные отношения, голосовое общение, письмо, текст рано или поздно, но придется пересматривать.

Стало уже тривиальным мнение о том, что язык возник и существует для целей общения. Столетней давности поправка о том, что язык существует и для мышления, в свое время воспринималась как сенсация. Однако общее мнение осталось непоколебимым: прежде всего язык есть средство межчеловеческого общения; все остальные функции языка лишь дополняют его суть. Загадочным осталось и известное высказывание В. Гумбольдта: «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит» [2, с. 377]. Смущает один вопрос: какая у языка может быть «цель в самом себе»? Мысль Гумбольдта логически недосказана; речь идет только о какой-то интуиции языка, не более того.

Обращение к языку через историю цивилизаций сталкивается с одной проблемой. Мы привыкли к тому, что сложное возникает из простого. Нас приучили к этому великие дидактики Я. Коменского, эволюционные теории естествознания, философский принцип от абстрактного к конкретному. Но история техники, например, демонстрирует порой обратные зависимости: по мере совершенствования технических решений часто происходит упрощение и минимизация всей конструкции. Понятно, что техника не естественное явление, а искусственное, поэтому движение от сложного к простому и от громоздкого к миниатюрному не удивляет. Удивляет тот факт, что человеческий язык ведет себя как искусственное явление типа техники: чем древнее язык, тем он конструктивно сложнее.

Люди не создают родной язык: ни один народ не создает того языка, на котором говорит; народ что-то заимствует, видоизменяет, но не создает ни грамматики, ни фонетики. Не случайно Ф. де Соссюр считал, что в структуре языка нет признаков его генезиса: только трансформации во времени и пространстве. Но если люди не создают родные языки, а язык выглядит так, как будто это техническое изобретение, то кому тогда обязан язык своим проис-

хождением? На этот вопрос у взрослых людей есть детский ответ: язык, ну, сам собой возникает; ну, люди общаются, вот и появляются сами собой средства общения: знаки, жесты, звуки, интонации. Как усмеялся Ф. Ницше по таким случаям, «последние люди» что-то утверждают – и «моргают». Действительно, сами собой таблицы склонений и спряжений «врожденной грамматики» в их безумном разнообразии не возникают; да в них и необходимости не было для целей живого общения, на виду друг у друга.

Язык, как бы это странным не казалось, *изначально* имеет юридический, крючкотворный характер. Как отмечала Т.Я. Елизаренкова, «для морфологии языка Ригvedы характерна невероятно развращенная флексия. У имени насчитываются десятки флексий, у глагола сотни. Существует сложная система противопоставления серий окончаний друг другу...» [3, с. 509]. За последние после Ригvedы тысячелетия язык при всех дивергенциях только упрощался. Спрашивается, что же привело язык в столь сложное состояние во времена Ригvedы? Какие такие хозяйственные, экономические, политические отношения? Причем, надо обратить внимание на тот факт, что структурная сложность языка имеет вид, аналогичный плохому законодательству: когда творятся поправки к поправкам. В таких случаях не стоит удивляться тому, что возникает «невероятно развращенная флексия». Далее возникает следующий вопрос: чем вызвана ситуация, когда поправки к поправкам становятся не только хроническими, но удерживаются в памяти и становятся достоянием разговорной речи? Во всяком случае, можно с уверенностью предполагать, что социальные отношения тут ни при чем: не было такой необходимости ни для войны, ни для хозяйства того времени.

Если обратиться к истории математики эпохи первых цивилизаций, то обращает на себя внимание следующий факт. Имеются чрезвычайно крючкотворные способы деления больших чисел друг на друга, причем никакого способа обоснования методов расчета нет, как нет и следов формирования любого из методов расчета. Иногда встречаются, напротив, очень простые способы расчета, и тоже без обоснования. Например, древние египтяне площадь круга вычисляли как восемь девятых диаметра в квадрате [8, с. 12] или одна двенадцатая квадрата длины окружности [8, с. 16]. В обоих случаях погрешность меньше процента. Откуда такая формула, неизвестно: это просто *рецепт*. Комментарий к этому факту из трехтомной «Истории математики» московского академического Института истории естествознания и техники короткий: «Метод получения правила неизвестен» [4, с. 31]. Аналогичная ситуация с вычислениями объемов пирамид: логики расчета нет, но методом поправок к поправкам в оперировании числами достигается верный результат. «Во всей математике Древнего Востока, – писал голландский историк математики Д. Стройк, – мы нигде не находим никакой попытки дать то, что мы называем доказательством. Нет никаких доводов, мы имеем только предписания в виде правил: «делай то-то, делай так-то». Мы не знаем, как были получены

теоремы...» [9, с. 46]. Подобная методология имеет место и в древней фармации: дается рецепт лекарственного средства, который дополняется поправками и поправками к поправкам, причем, без всякого экспериментирования. Язык не является исключением; он однозначно вписан в логику той же культуры.

Но в таком случае возникает общеметодологический вопрос о том, как возможна поправка? Для этого надо как минимум знать конечный результат и *видеть со стороны*, как именно идет ход решения. Поправлять может только знающий, и поправлять, так сказать, бестолкового. Но в качестве такого «бестолкового» в отношении абсолютно нового и достоверного знания выступает все человечество без исключения. Разговоры о том, что среди бестолкового человечества появляются вдруг откуда ни возьмись супергерои и гении, лишь меняют форму вопроса: кто это такие, откуда и как они появляются? В мифологии, как известно, бестолковое человечество всем изобретениям обязано «культурным героям», но это не люди, а боги, духи, демоны – персонажи трансцендентальные. Когда речь в философии идет о трансцендентальном субъекте, трансцендентальность «культурных героев» мифологии не следует сбрасывать со счета.

Что касается языка: ради какой цели вводятся поправки к поправкам? Поправкой к древнему транспорту явилось колесо, поправками в фармации явились отвары, а поправки к флексиям вводились ради чего? Да, собственно, ради фиксации рецептуры в процессе перехода знаний от культурного героя к человечеству. Рецепт колеса или отвара вовсе не так прост. То, что лингвисты называют языком, к бытовому общению людей между собой не имеет никакого отношения. Язык, можно сказать, создан под диктовку «культурных героев» очень плохим ученикам, плоды которых требовалось постоянно корректировать. И этими «учениками» были не супергерои и гении, а жрецы. Формой их обучения были трансовые ритуалы на основе измененных состояний сознания. «Культурный герой» есть феномен трансовых ритуалов, а не «веры в сверхъестественное». И не важно, как мифология трактует культовых персонажей; важно только то, что этим термином обозначается трансцендентальный источник рецептурного знания. Язык как чисто лингвистическое явление имеет рецептурное происхождение; он ровесник цивилизаций и института жречества, преемника шаманской культуры. Соответственно, язык не возникал эволюционным путем: по мере совершенствования форм общения, развития социальных отношений и труда, увеличения объема мозга на протяжении сотен тысяч лет и прочих условий. Язык по всемирно-историческим меркам не на много старше Интернета.

Языку до цивилизаций предшествовали сигнальные формы общения, как во всем мире живой природы. Понятно, сигналы у разных живых существ разные. Человек не исключение; есть специфичные сигнальные формы общения и у человечества. Можно, конечно, задаваться вопросом: какую роль в них играл голос, какую роль играли фонетические оппозиции, независимые

от тембра голоса? Ответ на этот вопрос уже чисто технический: анатомия, физиология, акустика. Важно признать, что система голосовых сигналов не была ни речью, ни, тем более, языком. До исторического перехода первобытной культуры к цивилизации необходимости в привычном для нас понимании речи и языка не было. Никакой. Существовали сигнальные формы общения, сопряженные с навыками и ритуалами, которые полностью соответствовали насущным потребностям общества. Люди общались *взглядами*, лишь дополненными жестами, в том числе голосовыми. Интересно, что культура общения взглядами значительно реанимируется в любом придворном обществе в моменты его расцвета, но деградирует по мере развития «бизнеса». Как объяснял Н. Элиас, «у буржуа, занятого профессиональной деятельностью... также есть своя тактика и свои специфические формы общения. Но ему лишь очень редко бывает важен человек сам по себе, весь человек» [13, с. 138]. Общение в бизнесе краткосрочное, одноразовое, в отличие от пожизненного в аристократическом обществе.

Зоологи взяли себе за правило говорить о «языке животных»; психологи и культурологи заговорили о «языке тела». Но язык совершенно не сводится к формам сигнального поведения. Язык как лингвистическое явление не сигнализирует, а *предписывает*, как и закон. И точно так же, как юридический закон, запрещая, не сводится к окрику или пинку, язык не сводится к сигналу. Язык по своей сути много ближе к юриспруденции, чем к речи. Язык, собственно, и состоит из законов.

Речь как разговорное явление в форме потока, «речения», возникает после языка, позже него. В речи объединяются два совершенно разных явления культуры: сигнальное общение, в том числе голосовое, и крючкотворная система оппозиций, загоняющая слово-мысль в определенное «стойло». Слово надо было загнать в мысль, причем голос сопротивлялся, а мысль напирала как начальство на бестолкового работника. Сигнальное общение на основе голоса не есть самая подходящая органика для языка; у пчел не случайно, как известно, органика другая. Но лучшей органики, чем совмещение языка и голоса, не нашлось; как следствие, появилась вербальная речь. Язык, возникший в качестве жреческой коммуникации с «культурными героями» в трансных ритуалах познания, перешел в «народную культуру» в качестве разговорной коммуникации по той же причине, по какой ныне военные технологии переходят в гражданскую сферу. Естественно, что он перешел в готовом виде, что и фиксировал в свое время Ф. де Соссюр – имел смелость, несмотря на бум эволюционизма.

Безусловно, что жрецы, как обычные люди вне трансных ритуалов, пользовались голосовыми жестами, но в трансных ритуалах голосовые жесты приводились в систему, означивались, символизировались на основе *видений*. «Речь, – писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский, – можно было – по понятиям древности – видеть, ибо «видеть» и «слышать» были не то, чтобы совсем синонимы, но понятия весьма близкие... сливающиеся в одном основном

представлении текущей жидкости...» [6, с. 69]. В гимне богине Речи Овсяннико-Куликовский находит прямое подтверждение своей мысли: «...Мною вкушает пищу тот, кто видит, кто дышит, кто слышит сказанное, – (сами того не зная), они при мне состоят («они О мне живут!»). Слушай! Слушайся! Я говорю правду» [6, с. 118]. В настоящее время вряд ли кто возьмется за реконструкцию видений «речи», но ясно, например, что гласная «о» была как бы именем «культурного героя», прежде чем стала фонемой разговорной речи. Если говорить о гласной «а», то она явно означает другую персону, чем «о». Все «оппозиции» речи возникли как живописные копии с картины трансовых видений. «Творец гимнов Ригведы, писала – Е.Н. Молодцова, – лицо, наделенное прежде всего способностью видения (dhi) и способностью выражения своего видения в священной речи (brahman)... Искусство поэта-жреца выступает как общий язык, формировавшийся в стародавние времена и являвшийся в те времена единственным языком, несущим в себе все человеческие знания, которые нуждались в словесном выражении» [5, с. 132]. «Здесь нужно напомнить еще, – писала Т.Я. Елизаренкова, – об одной важной характеристике творческого метода авторов гимнов РВ. По представлениям того времени, знание риши было визуальным, оно открывалось им божеством в виде статичной картины... Одна картина сменяла другую, и в смене этих откровений заключалось познание мира» [3, с. 512]. То видение, о котором пишет Т.Я. Елизаренкова, не присутствует у людей современной цивилизации, за редким исключением. В качестве исключения можно говорить о том, что дирижер и композитор обладают особым типом музыкального слуха (архитектоническим), который позволяет хронологию музыкального произведения слышать одновременно, причем, в качестве видения, всей картины исполненного концерта. Аналогичным образом при вдохновенном восприятии искусства музыку можно видеть, а живопись слышать – естественно, не глазами и не ушами, а умозрительно.

Язык в жреческом варианте изначально есть именно письмо (предписание), а не речь, даже если это письмо не писалось, а существовало только в памяти или в качестве какой-либо вещной мнемотехники. Язык в своем крючкотворстве сформировался как письмо, а в разговорные формы общения перешел через промежуточную форму, которой явилась жреческая поэзия. Как писал тот же Овсяннико-Куликовский: «На ранних ступенях развития поэзия сливалась с языком, сам язык был поэзия» [6, с. 102]. Этот же тезис вновь изобрел М. Хайдеггер в своей философии языка: «...поэзия есть праязык всякого исторического народа. Таким образом, наоборот, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии» [11, с. 85]. Хайдеггер, как всегда, прав наполовину. Прав в том, что поэзия есть праязык *исторического* народа, а не доисторического. Не прав в том, что сущность языка может пониматься из сущности поэзии. Поэзия как феномен жреческой культуры появляется в форме однообразного псалмопения ради *упражнения* в речи. В гимнах Риг-

веды нет ничего, кроме мольбы и благодарения – по форме. Содержание гимнов сводится к тому, что говорить научились: это демонстрация самого факта говорения. Подобно тому, как человек после снятия гипса с ног в своей ходьбе демонстрирует возможность ходить (и не важно куда), гимны Ригvedы упиваются возможностью говорения. Радость гимнов – это радость слепых, которые после многих операций прозрели. Жреческая поэзия ни о чем; она в самом факте говорения. «Лексику мифологических сюжетов РВ, – пишет Т.Я. Елизаренкова, – тоже нельзя назвать разнообразной. Число сюжетов в РВ совсем невелико... В результате из такого огромного по объему памятника, как РВ, часто нельзя бывает узнать простую бытовую лексику, которая описывала бы повседневную жизнь ария» [3, с. 509]. Мольба или благодарение в жреческой поэзии – не более чем повод продемонстрировать умение говорить, результат научения, итоговые «испытания» нового технического средства. В гимнах проверяется, не глохнет ли речь в рамках отдельного слова, не рвется ли она на куски во фразе, «течет» ли она вообще. «Акт приемки» речи после «испытаний» имеет своим критерием способность разговорного языка «течь», быть непрерывным потоком, то есть быть «речью».

Кому-то может показаться, что для существа речи не важно, течет ли она или изрыгается отрывками. Однако непрерывность речи имеет то же значение, что непрерывность дороги или водного пути. Для кого-то речь есть только средство общения, а для кого-то технологический процесс. «Культурные герои» даровали человечеству речь, но не бескорыстно, а в целях технологии истории. Человек-в-языке не свободен, он плотно и непрерывно запряжен языком в историю человечества, которую уже не сам творит. Возникает ситуация «сорботничества», «синергии»: человек действует сам, но не по своим рецептам. Декартом неслучайно обнаруживались «врожденные идеи» даже в математике. В ведических гимнах звучит мольба, в том числе мольба о том, что не надо давать плохих рецептов, губительных «врожденных идей». Смысл гимнов и в том, что человечество доверяется богам, но есть просьба не обманывать доверие. Такая в гимнах есть лирика. «Жертва движется навстречу милости богов. / О Адиты, будьте снисходительны!» [7, с. 129].

Феномен поэзии изначально появился не сам по себе, как явление литературы или лирического настроения, а в тесном сопряжении с трансвокальным употреблением опьяняющих средств, от напитков до воскурений. На это обстоятельство едва ли не первым обратил внимание Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Отмечая жаркое действие опьяняющего напитка сомы, он писал: «Он чуден, он упоителен, он полон тайны этот новый Agni... Проникая в человека, он приводит в священный трепет все силы души его, человек чувствует, что какое-то божество – мощное и властное – вселилось в него; создание слабое, брэнное, он теперь ощущает в себе необычайный прилив сил, наплыв энергии, – он мнит себя причастным божественной субстанции и обладателем всяческой мудрости. Раз эти психические моменты налицо, – мы

уже в сфере религии и специально – на рубеже той могучей всемирно-исторической религиозной силы, которая называется мистикою» [6, с. 24–25]. Само появление поэзии свидетельствовало о том, что работа визионеров над языком закончена, что язык можно продвигать из сферы сакральности в сферы профанные. Поэзия при участии опьяняющих средств «развязывала язык»: экстатическое псалмопение – долгое и однообразное по содержанию – упражняло голос в становлении речи. Человечество научалось речи совершенно школьным образом, как изучаются *иностранному* языку.

Тезис о том, что «язык – средство общения», затемняет другую сторону языка – как средства разобщения. Способность разобщения людей заложена в вербальном языке изначально. Язык как будто живет своей жизнью на теле человечества, так что человечеству остается только роль технического обслуживания. В результате два соседних народа, обслуживая свои языки, перестают понимать друг друга. Т. Гоббс уподоблял государство огромному и чудовищному левиафану, то же можно сказать о языке. Человечество приручает языки, благодаря чему появляется возможность их пользования, но от этого языки не перестают быть «вещью-в-себе». Точнее, вещью «культурных героев» из трансцендентальной реальности, их собственностью.

Сама сложность вербального языка, его структурного строения, свидетельствует отнюдь не в пользу тезиса «язык – средство общения». Повседневное общение людей, тем более в рамках семьи, племени, рода, совершенно не требует тщательного согласования слов в роде, числе, падеже, лице, времени, залоге; не требуется четкой артикуляции фонем. В живом общении люди понимают друг друга «с полуслова» при всех дефектах дикции, телеграфном стиле речи, отсутствии словарного запаса, заикании и даже горячечном бреде. Вербальный язык избыточен для человечества в той же мере, в какой избыточным является либидо для сохранения рода. Родной язык и либидо многократно превышают необходимые и достаточные условия общения человечества в интересах сохранения жизни и ведения хозяйства. Тогда возникает философский вопрос: к чему такая избыточность и где искать её истоки?

В своё время З. Фрейд доказал несоразмерность сексуального влечения человека его возрасту и возможностям, а российский этнограф академик Л.Я. Штернберг при исследовании шаманизма выявил нечеловеческое начало человеческой сексуальности. В так называемой «шаманской болезни» (период полового созревания) возникает тотально-сексуальная проблематика сновидений, по своим картинам соответствующая образам «Кама-Сутры», но не традициям своего племени. Подросток оказывается задавленным сновиденческими образами чуждой ему сексуальной практики, – как оказывается, ради того, чтобы заключить брачный завет со сновиденческим персонажем под именем «духа предков». «Дух предков» выбирает себе из всей молодежи будущего сексуального партнера для «священного брака» (иерогамии), эротическими сновидениями лишая подростка здорового сна и тем самым общения со сверстниками (в том числе эротического). Сексуальное избранничество в шаманизме, оборотной стороной которого выступают традиции девств-

венности, приводит к тому, что шаман в иерогамии оказывается наложником (наложницей) сновиденческого персонажа, причем с реальным знанием изошренных сексуальных практик. Как пишет Л.Я. Штернберг, «не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана» [12, с. 41]. «Здесь, – продолжает этнограф, – с необычайной яркостью раскрываются совершенно своеобразные интимные отношения между шаманом и избравшим его духом, отношения, основанные на сексуальных эмоциях» [12, с. 143].

Изошренность строения вербальных языков (в грамматике, морфологии, фонетике) при сопоставлении с историей шаманизма не может не наводить на мысль о том, что человек в языковом отношении точно так же является пленником некоего «духа предков», сонма духов. Другими словами, надо иметь в виду, что язык, как и сексуальность человека, своими корнями может уходить в шаманизм, а отнюдь не в семиотику общения и социологию труда. С этой точки зрения можно говорить о парадоксе языка: родной язык устроен таким образом, как будто он не предназначен родным людям. Сложность структуры вербального языка объясняется тем, что реальное общение людей, на виду друг у друга, оказывается полностью проигнорированным. Соответственно, назначение вербального языка состоит в чем-то другом, не в общении в кругу соплеменников.

Если исходить из того факта, что язык и знание в чем-то тождественны, а изначальные знания имели рецептурный характер, то придется признать связь языка с проблемой рецептурного знания. В мифологии народов мира не случайно выделяется особый вид мифов, связанных с «культурным героем», который научает человека огню, приручению животных, ткачеству, мореходству и всему множеству видов хозяйствования. Культурный герой в эпоху шаманизма «действовал» посредством либо сна, либо транса. Рецептурное *знание* возникало как *видение* в трансовом состоянии сознания, но реализуемо оно было при переходе к бодрствующему сознанию, в связи с чем и возникает необходимость кодификации видения при переводе в телесную реальность, например, в форме жестов. Жест – это мышечная кодификация видения, которая с точки зрения межличностного общения принимает характер мимики, пантомимы, голоса. Фонетический язык «подсажен» на мышечные реакции взгляда, рук и ног, движение крови; он, собственно, и выполняет функцию их координации при транспонировании видения в поведение. В так называемой «экспрессивной фразеологии» слов минимум, но мышечных реакций максимум. Развитие речи, как известно, пошло в противоположном направлении. Если экспрессивная фразеология сводится к жестам и совершенно не предполагает визуализации отборных фраз «матерного языка», то речь развивается именно в сторону визуализации и картинности содержания в «умозрении».

Источник «рецептурного знания» вне опыта человечества, вне логики или «подсознания»; рецептурное знание является внеопытным, внелогичным, нечеловеческим, но истинным в конкретных условиях той или иной «про-

блемной ситуации». Исторически «проблема» тесно связана с «мольбой», с призывом о помощи. Само слово «проблема» в греческом языке означало «мольба». Естественно, что просьба о помощи должна быть корректно сформулированной, иначе можно получить то, чего никто не хотел. Диалог с трансцендентной реальностью в условиях возможности быть неправильно понятым привел к изоощренной казуистике структуры «родного языка». Родной язык не предназначался родным людям; он предназначался для диалога с персонажами трансцендентной реальности «вне прямой видимости» (как говорят летчики). Общение «вне видимости» достигается за счет развития технических средств, роль которых и взял на себя «родной язык» с его избыточной оснащенностью в фонетике, морфологии и синтаксисе.

Страстные моления с боязнью не быть понятым привели к ритмизации речи, к многочисленным повторам, что и нашло свое обозначение под видом поэзии. Трудно не увидеть поэзию в таком, например, «заговоре» от неизвестной болезни (шѣпотом):

*«Стань ты, Пречиста, з помощами, а я со словами:
Вид твоих очей, вид твоих плечей,
Вид белого тела, вид желтых костей,
Вид червонной крови, вид щирого сердца.
Тут тобі не стояти, билого тела не пусвати,
Червонной крови не питии, жовтой кости не ломати.
Иди себе на очерета, на болота,
Де солнце не сяе, де месяц не свите, де люды не ходють»*

[1, с. 102].

Вот еще пример заговора (от зубной боли):

*«Заря-зорюшка, заря вечерняя!
Как ты утихаешия, как ты улегаешия,
Пускай у (такой-то) зуб желанный утихаешия, улегаешия,
С буйной головы, с ясных очей, с черных бровей,
С ретивого сердца, с жил, поджил, с состав, с полустав.
Зубище, зубище, иди ты на дубище...» [1, с. 102].*

Заговор совершенно не обязательно произносить артикулировано, с соблюдением интонации и динамических оттенков. В заговоре важен повтор, настойчивое донесение смысла путем многократного возвращения к одному и тому же, так что рифма является не более чем подтверждением ритма. В заговоре мысль кружится вокруг одной оси, как бы зазывая покружиться вместе. Задача заговора состоит в том, чтобы создать место встречи, обставить это место декорациями и принять в дом званого гостя-покровителя, «культурного героя». Слова в заговоре не есть, собственно, слова и предложения; скорее, слова в заговоре есть «мыслеформы» теософии Р. Штайнера, они суть видимые онтосы. Видимости молящегося визионера посредством

правильной речи должны стать и видимостями для «культурных героев». Чем отрывистее и неграмотнее речь, тем в худшей видимости для адресатов предстает мольба-проблема. «Грамотная» речь востребована не столько людьми, сколько потребна для «культурных героев», лишенных человеческой телесности и, соответственно, неспособных корректировать плохую речь взглядами и смыслами видимых действий и телодвижений.

Конечно, тема взаимосвязи «трансцендентального субъекта» философии с «культурным героем» мифологии щекочет нервы людям с атеистическим мировоззрением, но религиозная тематика возникает не по причине религиозного мировоззрения философов. История трансовых ритуалов человечества не придумана религиозными мыслителями, а является достоянием науки. Ну, не физики, так что с того?

Основные коллизии, вводящие от понимания языка, обусловлены смешением двух форм общения: сигнального, на виду друг у друга (профанного), и визионерского (сакрального), продуцированного трансовой культурой жречества. Поскольку в истории человечества многочисленные цивилизации древности возникали из мира первобытной культуры, а потом, исчезая, обращались в новый этнографический материал – и так многократно туда и обратно, – постольку язык постоянно претерпевал переходы от сигнального общения к визионерству «законов языка» и обратное возвращение от «правил» к формам живого сигнального общения. Интегральным итогом этих колебаний явилась «родная речь», посредством которой можно говорить, писать, слагать стихи, ругаться и формулировать рецепты медицины, техники, науки. Естественно, что из «родной речи» при всей многотысячелетней синкретичности культуры и истории этноса понять язык невозможно. Слишком многое в языке трансцендентально.

Список литературы

1. Ветухов, А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного / А. Ветухов // Врачевания. – Вып. 1–2. – Варшава, 1907. – 126 с.
2. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 448 с.
3. Елизаренкова, Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры / Т.Я. Елизаренкова // Ригведа. Мандалы I–IV. – М., 1989. – 758 с.
4. История математики: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Юшкевича. – М.: Наука, 1970. – 352 с.
5. Молодцова, Е.Н. Ведические корни естественно-научного мышления в древней Индии / Е.Н. Молодцова // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М., 1982. – 279 с.
6. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общечеловеческой культуры. Ч. 1 / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – Одесса, 1883. – 240 с.
7. Рыбников, К.А. История математики / К.А. Рыбников. – МГУ, 1994. – 496 с.
8. Стройк, Д.Я. Краткий очерк истории математики / Д.Я. Стройк. – М., 1969. – 328 с.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М., 1993. – 447 с.

10. Хайдеггер, М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / М. Хайдеггер. – СПб., 2003. – 320 с.
11. Штернберг, Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии / Л.Я. Штернберг. – Л., 1936. – 573 с.
12. Элиас, Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Н. Элиас. – М., 2002. – 368 с.

LANGUAGE REDUNDANCY FOR COMMUNICATION PURPOSES AS THE BASIS OF THE GLOTTOGENESIS HYPOTHESIS

V. Kostetckii^{*}

*St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture
named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia
E-mail: kostavictor@yandex.ru*

Abstract. *The article analyzes the reason of philosophy understanding of the transcendental subject through language is replaced by the understanding of language through the transcendental subject. As a result, the language is taken out of the signal forms of communication and is interpreted not as a signal, but as a prescription, that is, the law and the letter. Accordingly, language approaches not with speech and poetry, but with jurisprudence. The time of the appearance of the language falls on the priestly culture of the era of the first civilizations. The redundancy of language for forms of living communication is compared with the redundancy of human sexuality for biological procreation. The materials drawn from primitive culture, in particular shamanism, allow us to raise the question of the role of trance rituals in the origin of language. Accordingly, the theories of the origin of language through the evolution of signal forms of communication, the improvement of labor, the development of interpersonal relations should be recognized as having no basis in the history of culture.*

Keywords: *language, glottogenesis, vision, trance, altered states of consciousness, transcendental subject, cultural hero, prescription knowledge, philosophy of language.*

^{*} *KOSTETCKII Victor Valentinovich* – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts.